

А.Акаев о событиях 24 марта: Я, как президент, недостаточно владел ситуацией и проявил неоправданное благодушие

Обосновавшийся в Москве первый Президент КР Аскар Акаев в интервью «Независимой газете» от 21 марта 2006 года анализирует причины острейшего внутривнутриполитического кризиса, охватившего страну к марту 2005 года и обернувшегося событиями 24 марта 2005 года, делится мыслями о настоящем и будущем республики.

«НГ»: Аскар Акаевич, 24 марта Киргизия отметит первую годовщину тюльпановой революции. Эти события являются своеобразным водоразделом между четырнадцатилетним акаевским периодом развития Киргизии и нынешним – бакиевским. Какой, на ваш взгляд, была Киргизия до марта прошлого года и какой стала после?

– Мне трудно без волнения отвечать на этот вопрос. Слишком много на этот счет лжи и клеветы. Утверждают, что Акаев будто бы создал антинародный авторитарный режим, что произошло чуть ли не разрушение процветавшей страны, а ее народ в годы моего президентства был якобы доведен до нищеты. Меня обвиняют, что Киргизия при мне была несвободной страной, что массово нарушались права и свободы человека и так далее.

Я напряженно думаю о причинах произошедшего 24 марта, и вовсе не с позиции самоедства. С первых дней президентства я прилагал огромные усилия, чтобы покончить с наследием советского авторитаризма. Моей целью было обеспечить четыре свободы, которые считал базовыми великий президент США

Франклин Рузвельт: свободу вероисповедания, свободу слова, свободу от страха, свободу от нужды. Для этого в Киргизии были заложены прочные концептуальные основы и осуществлены крупные практические меры. Новое независимое государство вскоре стало общепризнанным «островком демократии» и одним из лидеров социально-экономических реформ в СНГ. Даже при наших более чем скромных стартовых условиях страна вышла на устойчивый путь развития. Самое главное – была стабильность, жизнь налаживалась, пусть и не так быстро, как хотелось бы. И больше всего меня возмущает шельмование многолетнего труда и заслуг киргизского народа, попытки стереть из человеческой памяти те годы, когда закладывались основы современной национальной государственности.

Многое из ныне происходящего в республике делается с расчетом на одурманивание, промывание мозгов доверчивых людей. Я не склонен изображать итоги моего президентства в розовом цвете. Это был тяжелейший этап перехода общества в новое состояние. Все достигалось огромным трудом, не было средств и ресурсов, не было подготовленных кадров, все традиционные хозяйственно-экономические связи между республиками были разрушены в одночасье. Сейчас легко все критиковать и обливать грязью. Но ведь есть факты, свидетельствующие о том, что республика до 24 марта прошлого года находилась в гораздо лучшей форме, чем к моменту обретения независимости в конце 1991 года. Нам удалось провести основные структурные, экономические, демократические реформы. Была разработана стратегия развития страны, подготовлены грамотные кадры, проделана огромная работа по реструктуризации и списанию внешних долгов. В течение следующих нескольких лет республика должна была совершить качественный рывок в своем развитии, и для этого был заложен крепкий фундамент. Но год назад этому помешали.

«НГ»: Сейчас и в Киргизии, и за ее пределами не утихают споры относительно оценок событий 24 марта. На ваш взгляд, что это было – революция или переворот?

– Как известно, революциями в науке признаются радикальные

трансформации с переходом общества в более высокое качественное состояние. Главный вопрос нынешних революций – развитие демократии. Больше или меньше после 24 марта в Киргизии стало демократии? По совокупности послемартовских перемен ответ очевиден: во многих сферах жизни идет откат назад.

После 24 марта появился ряд исследований, в том числе в России и США, с анализом мартовских событий 2005 года. Разнобой, конечно, присутствует. Но в основном оценки склоняются к тому, что это был госпереворот. Назову недавно вышедшую в Алма-Ате книгу известного политолога, профессора Славянского университета в Бишкеке Александра Князева «Государственный переворот 24 марта 2005 года в Киргизии». Первая фраза в ней звучит так: «События 24 марта 2005 года уничтожили самую демократическую страну, когда-либо существовавшую в регионе Центральной Азии». Более того, автор дает весьма неутешительные прогнозы относительно дальнейшей судьбы республики. Захватившие власть «временщики», по его мнению, не имеют позитивной программы действий. Такая же оценка дана в докладе ПРООН «В будущее без преград», посвященном проблемам Центральной Азии. Перечень авторитетных исследований с подобной трактовкой весьма велик. Что касается оценок «революционного» свойства, то они исходят преимущественно из заинтересованных источников. Признаться в госперевороте, в применении насилия означает для них подписать себе приговор.

«НГ»: Как бы вы сейчас оценили ситуацию, которая сложилась на тот момент в республике? Почему стал возможным такой радикальный поворот в истории Киргизии?

– Несмотря на попытки нынешних властей очернить домартовскую ситуацию, я имею основание и никогда не устану повторять, что Киргизия в то время была благополучной страной. Социально-экономическое развитие шло по нарастающей. Уверенно преодолевалась бедность. Набирало силу гражданское общество. Межнациональные отношения были образцовыми. Проверкой развития демократии стали февральские парламентские выборы. Их оценка

со стороны такого строгого международного рефери, как ОБСЕ, была выдержана в позитивной тональности. Однако конфликты, возникшие на избирательном поле вследствие жестокой борьбы между кандидатами, были... Ничто внешне не предвещало надвигающейся грозы. Никакой тюльпановой революции с участием народных масс в Киргизии не было и быть не могло. Она существует лишь в фарисейской риторике организаторов госпереворота – чтобы как-то облагородить их запятанный имидж.

Теперь о второй стороне дела. Постараюсь придерживаться рамок политического реализма и объективности. Факт есть факт. Государственный переворот произошел. Это означает, что я, как президент, все государственное руководство страны недостаточно владели ситуацией, не располагали всей полнотой информации, проявляли неоправданное благодушие. Мы не верили в способность непримиримой оппозиции пойти на авантюрные шаги. Понимая шаткость своих позиций, оппозиционеры вместе с тем не хотели тянуть. В честной борьбе на предстоящих президентских выборах, которые должны были пройти в октябре 2005 года, они не имели шансов на победу. Отсюда – торопливость в их действиях. События 24 марта стали неожиданностью для меня и моего народа. Госперевороты, как известно, готовятся в условиях наивысшей конспирации. В итоге сценарий, разработанный для Киргизии при внешней поддержке, 24 марта был реализован.

«НГ»: В числе прочего вас упрекают в том, что, будучи президентом, вы слишком увлеклись так называемыми респектабельными контрактами с Западом и потому меньше внимания уделяли происходящим в республике внутривнутриполитическим процессам. В итоге это и привело к кризису. Вы согласны с такой постановкой вопроса?

– Нет, не согласен. Степень сопряженности нашей внутренней и внешней политики была наивысшей. Каждый наш внешнеполитический шаг на Западе и Востоке тщательно просчитывался, прежде всего с точки зрения задач внутренней политики, особенно в ее социально-экономических аспектах. В своих выступлениях я не

раз обращал внимание на то, что великие державы и крупные самодостаточные в геополитическом плане государства не понимают в полной мере положения малых стран. После распада СССР Киргизия оказалась в критической ситуации. Навалилась гора неотложных экономических проблем, речь, по существу, шла о выживании. Наши внутренние ресурсы решить эту задачу не позволяли. Киргизии как воздух был нужен эффективный выход на внешний мир. И мы это сделали. И увидели позитивное встречное движение, особенно со стороны России, хотя и там был кризис. Откликнулись на наши нужды Япония, Германия, Турция, Швейцария, ряд других стран. Да, мы осуществили широкий выход на Запад, в том числе и на Америку. И все же российское направление, направление СНГ были для нас приоритетными. Тем более что в своем переходном развитии страны Центральной Азии и другие страны Содружества испытывали те же самые, а иногда и более тяжелые проблемы, чем мы в Киргизии.

Полагаю, что в понятие так называемых респектабельных контрактов мои критики не включают вынужденное создание на нашей территории после 11 сентября 2001 года в рамках международной антитеррористической коалиции американской авиабазы. Заметьте, что почти рядом с ней с 2004 года расположена российская авиационная база в Канте. Событие это в плане приоритетности внешней политики в годы моего президентства многозначительное.

«НГ»: В момент обострения ситуации, а также после отставки вы не раз говорили, что не хотели, чтобы пролилась кровь. Тем не менее случились погромы, погибли люди, а депутатов отстреливали в течение года. Может, все-таки стоило вам применить силу и подавить мартовский бунт в зародыше?

– Мне чрезвычайно больно было узнать о грабежах, погромах и мародерстве, прокатившихся при попустительстве организаторов переворота по киргизской столице. Погибли безвинные люди. Криминальная составляющая государственного переворота аукнулась многими бедами: серией заказных убийств, агрессивным вторжением представителей криминального мира в публичную

политику, сращиванием криминалитета с государственной властью. Все это резко ухудшило политическую ситуацию в стране, дестабилизировало ее. Об этом в своем январском заявлении вынужден был сказать нынешний премьер-министр Киргизии Феликс Кулов.

Мог ли я остановить накатывавшуюся на Дом правительства агрессивную настроенную толпу, в которой многие были накачаны водкой и наркотиками? Наверное, мог. Но, во-первых, я считал (как выяснилось, ошибочно), что оппозиция ограничится взятием Дома правительства и отстранением меня от должности. Никто, и я в том числе, не мог себе представить, что по столице прокатится волна погромов и грабежей. А во-вторых, на силовые действия оппозиции пришлось бы отвечать силой, применить оружие. Не обошлось бы без жертв и большой крови. Любое кровопролитие в тот день, пусть даже и спровоцированное самими же «революционерами», привело бы ко взрыву в масштабах всей страны. Применение оружия означало в тех условиях неизбежную гражданскую войну, реальную угрозу развала страны.

«НГ»: Почему вы не обратились за помощью к американцам или французам, которые фактически были у вас под боком – ведь их военно-воздушные части базируются в Киргизии? Не были уверены, что они вмешаются во внутренний конфликт? Или подозревали, что за вашими оппонентами стоят внешние силы?

– То, что оппозицию всемерно поддерживали внешние силы, консультировали ее лидеров, щедро финансировали этих людей, сегодня стало очевидным для всех. Что касается меня, то во времена президентства я всегда исходил из того, что внутренние дела, какими бы сложными они ни были, надо решать самим, не привлекая внешние силы. С другой стороны, я всегда придерживался принципа не применять силу против своего народа, которому я служил. Полагал, что внутренние проблемы надо решать исключительно политическими методами. Поэтому я тогда открыто заявил, что ни при каких условиях не пойду на применение силы против народа. Теперь я хорошо вижу, что это развязало руки оппозиции в ее безудержном стремлении любыми

средствами взять власть. Если бы я видел необходимость и оправданность внешней помощи для стабилизации ситуации в стране, то в первую очередь обратился бы в Организацию Договора о коллективной безопасности, которая как раз и была создана для поддержания стабильности и обеспечения безопасности стран-участниц. Уверен, что в случае нашего обращения со стороны ОДКБ Киргизии была бы оказана эффективная помощь.

«НГ»: Как вы оцениваете нынешнюю обстановку в республике? Какие проблемы вызывают у вас наибольшую озабоченность?

– Новые власти, к сожалению, не добились улучшения ни в одной из сфер жизни – ни в плане обеспечения политической стабильности и общественного порядка, ни в государственном управлении. В экономике началась затяжная полоса стагнации. Возникают отдельные очаги межэтнических конфликтов, чего не наблюдалось в предыдущие 14 лет. Но, по правде говоря, меня больше беспокоит другое. При разумной политике в условиях гражданского мира экономические неурядицы можно преодолеть сравнительно быстро. Труд миллионов людей, борющихся за выживание, в конце концов приносит свои плоды. Сложнее обстоит дело с духовными ранами, нанесенными антиконституционным переворотом. Киргизия еще толком не освободилась от последствий краха советской системы, как на страну обрушились новые испытания. В душах людей после марта 2005-го поселились разброд и смятение. В ходе госпереворота сила оказалась выше демократии. Эти чувства усиливаются из-за проведения новыми властями разделительных линий, деления граждан на «наших» и «ненаших». Сотни тысяч людей фактически оказались на обочине жизни. Многие высококвалифицированные специалисты, профессионалы остались без работы и были вынуждены покинуть страну. Например, такие профессионалы новой формации как министр финансов Абилдаев, его заместитель Торомызаев и другие. Так что, на сегодня наиболее актуальной задачей является врачевание общества от вируса аморальности и безнравственности.

Решающим фактором может и должно стать единение общества. А ныне в республике, наоборот, усиливаются поляризация и раскол. Непримиримы противоречия, грызня и склоки возникли даже среди «революционеров» – инициаторов и организаторов госпереворота: не могут поделить посты, сферы влияния, национальное имущество. Весной прошлого года заговорщики сплотились с единственной целью захвата власти, а теперь их пути-дороги резко разошлись.

«НГ»: В прошлом году при подготовке к июльским президентским выборам большие надежды возлагались на тандем Бакиев–Кулов. Сейчас говорят, что внутри этого тандема не все гладко. Ваши оценки?

– Мартовский переворот действительно создал в нашем обществе большое внутреннее напряжение, породил разломы и трещины. Единственным способом спасти страну от надвигавшейся катастрофы было найти такую конфигурацию в верхнем эшелоне власти, которая позволила бы уберечь страну от развала. И таким средством стало создание тандема Бакиев–Кулов. Тандем – категория внеконституционная, но в сложившихся тогда условиях любые способы ухода от национального краха были приемлемы.

«НГ»: Считаете ли вы до сих пор, что нынешний премьер Феликс Кулов – государственный преступник? Обязательно ли было его сажать в тюрьму?

– Вопрос об отношениях с Куловым для меня очень непростой. В нем можно проследить ряд этапов. При моей прямой поддержке Кулов взметнулся в свое время до самых высоких административных вершин. И не удержался! Позднее по решению суда оказался в заключении. Обвинение было выдвинуто Службой национальной безопасности и поддержано Генпрокуратурой, суд вынес свое решение. Когда после мартовских событий Кулова освободили из заключения, я был по-человечески рад за него.

«НГ»: Беспокорство в Киргизии и за ее пределами вызывают взаимоотношения национального парламента и президента. Дело

дошло до отставки прежнего спикера и непростого избрания нового. Как могут в новой конфигурации преодолеваются трудности во взаимоотношениях исполнительной и законодательной ветвей власти?

– Вы правильно использовали термин «трудности». Они существовали и во времена моего президентства, когда парламент был очень самостоятельным и независимым, а зачастую и крайне оппозиционным. Но, двигаясь навстречу, мы всегда находили разумный общий знаменатель, платформу для конструктивного взаимодействия. В демократическом обществе глава государства и парламент не должны идти друг у друга на поводу. Различия в подходах полезны. Они дают возможность приходиться к оптимальным решениям на уровне компромисса. Считаю нынешний состав Жогорку Кенеша достаточно компетентным и дееспособным для реализации стоящих перед страной задач. С точки зрения легитимности наш парламент неуязвим. Попытки его распустить были бы самоубийственными. Новый спикер Марат Султанов имеет большой потенциал и достаточный опыт. Надеюсь, что он использует их для блага народа.

«НГ»: Как вы восприняли указ президента Курманбека Бакиева об объявлении 24 марта праздничным днем?

– В киргизском обществе на этот счет налицо мнения разделились. Слишком для многих граждан этот день является не праздничным, а скорбным. Раны от госпереворота, грабежей и погромов еще кровоточат. Кстати, депутаты Жогорку Кенеша благоразумно отложили это предложение Бакиева «до лучших времен». Но президент спешил, у него был свой расчет. Лично я считаю, что в разделенном и поляризованном обществе делать подобные шаги крайне опасно. Кроме того, новые власти, кроме провалов, ничем себя не проявили. Трубить в фанфары, бить в барабаны, устраивать пляски на пожарище 24 марта было бы безнравственно.

«НГ»: И до мартовских событий 2005 года, и после них ваши противники сделали ставку на разоблачение тех злоупотреблений

в имущественных и финансовых делах, которые якобы допускали вы и члены вашей семьи. Насколько обоснованы эти обвинения?

– Как говорится, ничто не ново под Луной. Новые пришельцы во власть зачастую начинают с очернения предыдущих правителей. Эта тенденция особенно проявляется при бессилии в выполнении завышенных предвыборных обещаний. Так произошло и в данном случае. Сразу же после 24 марта в Бишкеке во главе с вице-премьером правительства была создана специальная комиссия по поиску имущества экс-президента. Комиссия обанкротилась, акаевского имущества не нашли. Тогдашний генпрокурор клятвенно обещал найти за рубежом акаевские миллиарды. Наняли за полмиллиона долларов частного американского адвоката Либермана, по просьбе президента Бакиева к поискам счетов подключили и ФБР. И снова провал. Генпрокурор Конгантиев признал, что американский сыщик «ни цента акаевского не нашел». Цель у власти была лишь одна – всеми силами дискредитировать экс-президента в глазах мировой общественности и собственного народа.

Когда у властей ничего не получилось – ни с собственной комиссией, ни с американцами, – они, надо полагать, с отчаяния затеяли новую авантюру. Так возникло «дело» о том, что в 1999 году президенту якобы была передана крупная сумма, предназначенная для финансирования антитеррористической кампании в Баткенской области. Попытки привязать меня к этому громкому делу юридически абсолютно несостоятельны, а фактически – лживы и провокационны. Стремясь очернить бывшего главу государства, новые власти не брезгуют ничем, не гнушаются самых подлых методов. Уверен, и это «дело» развалится, как и предыдущие. Жаль только, что гонениям в сталинско-бериевском духе подвергаются мои близкие и дальние родственники, мои соратники, которые вообще не занимали каких-либо руководящих постов. Просто новой власти надо как-то оправдать мартовские события, тем более перед первой годовщиной переворота. Отсюда и активизация этих «разоблачительных» процессов: кого-то объявляют в розыск, на

кого-то заводят уголовные дела и именно в этот период доводят их до суда. Мою деятельность безрезультатно проверяют вдоль и поперек уже целый год. Наверное, будут еще попытки меня в чем-либо обвинить, но я к этому отношусь спокойно.

«НГ»: Помимо всего прочего вам в вину ставят разгосударствление экономики, в котором якобы принимал активное участие ваш сын Айдар, – имеется в виду история с компанией связи «Бител».

– Разгосударствление экономики и приватизация предприятий в Киргизии происходили в 1994–1998 гг., и мой сын никак не мог принимать в этом участие, поскольку в те годы учился в США, где окончил Мэрилендский университет по специальности международная экономика и финансы. По возвращении на родину он работал советником министра финансов по международному сотрудничеству и в основном занимался, причем весьма успешно, вопросами реструктуризации внешнего долга Киргизии. Даже если Айдар и имел отношение к компании «Бител», это никак не было связано с ее приватизацией.

«НГ»: Ваши прогнозы на будущее – что ждет Киргизию в ближайшие годы?

– Несмотря на выпавшие на долю нашего народа испытания, я остаюсь оптимистом. Верю, что все в моей родной стране образуется, и мы снова восстановим имидж Киргизии как «островка демократии», не превратимся в «островок криминалитета». Надеюсь, что новое киргизское руководство в конце концов направит свои усилия на созидательные цели, на улучшение жизни людей, на упрочение стабильности и безопасности в стране.

«Новая газета»